

Ли Яоинь вернулась во двор. Глядя на большую тарелку с лепешками и белоснежный овощной суп, который слуга только что принес ей на длинный стол, она вспомнила о жареном мясе, которое только что пронесли перед ее глазами.

Если бы она знала, что мясо не запрещено, ей бы не пришлось питаться вегетарианской пищей все эти дни.

На обратном пути Юань Цзюэ объяснил ей, что монахи Королевского двора не запрещают есть мясо. Этого правила придерживалось большинство монахов в Западных регионах. Было мясо, чистое в трех отношениях, и мясо, чистое в пяти отношениях. Мясо считалось чистым в трех отношениях, если его не видели, не слышали и не подозревали, что оно было убито специально для монаха. Мясо было чистым в пяти отношениях, если оно, в дополнение к трем первым, умерло естественной смертью или было изувечено птицей.

Другими словами, если вы не видели убитого животного своими собственными глазами, не слышали, как убивают животное, или не знали, что животное было убито для вас, и не хотели лишать жизни, чтобы съесть его, тогда это было чистое мясо, и его можно было есть. Однако при приготовлении чистого мяса в него нельзя класть никаких приправ. Монахи не могли есть нечистое мясо и рыбу с «невегетарианскими» добавками, такими как лук, имбирь, чеснок и другие стимулирующие и сильные приправы.

Кроме того, если монах был болен и нуждался в мясе, для него могло быть сделано исключение - мясо с приправами.

Ли Яоинь внезапно осознала. Не было ничего необычного в том, что в предписаниях разных регионов были тонкие различия. Например, в прошлом у монахов было правило не есть после полудня. Поев в полдень, они не могли принимать пищу до следующего дня, что называлось «чичжай»*. После того, как буддизм распространился на Центральные равнины, это правило было изменено, и многие китайские монахи отказались от голодания и начали питаться три раза в день, иначе они не могли гарантировать свою силу.

(ПП: означает соблюдение заповедей воздержания от употребления мяса. Это одна из систем буддийской практики.)

Буддизм зародился в Тяньчжу, и первые монахи были знатью в Тяньчжу. Основная доктрина буддизма была тесно связана с обычаями Тяньчжу, поэтому, когда буддизм впервые распространился на Центральные равнины, он был неубедителен, поскольку противоречил традиционной патриархальной этике и конфуцианству. Позже буддизм был адаптирован к местным условиям и развивался в соответствии с общественными обычаями Центральных равнин. Он продолжает развиваться, принимая простых людей из низших классов, что позволило ему распространиться на Центральных равнинах.

Различные народы Западных регионов находились в иных условиях по сравнению с Центральными равнинами, поэтому развитие буддизма здесь, естественно, принимало другие формы. Во многих странах Западных регионов все люди были верующими. Монахи имели очень

высокий статус и тесные отношения с вельможами, а иногда светская и религиозная власть даже могла контролироваться одним человеком.

Словом, регионы были разными, поэтому и обычаи были разными.

Заповеди Центральных равнин были строгими. Один из императоров Северной и Южной династий издал эдикт «Воздержание от вина и мяса», которое запрещало лишать жизни животных и обязывало монахов отказываться от мяса. Однако монахи Центральных равнин не зависели от наличия чаш для подаяния и попрошайничества. Им были предоставлены поля для возделывания земли и сады. Поскольку они могли сами выращивать пищу, они могли быть полностью самодостаточными, поэтому им не нужно было есть мясо.

Ли Яоинь вспомнила, что когда достопочтенный Сюань Цзан отправился в Тяньчжу, чтобы ознакомиться с буддийскими писаниями, и проезжал через Западные регионы, монахи были мясоедами. Она считала, что в писаниях, которые пропагандировал Королевский двор, есть смутные признаки перехода от Хинаяны к Махаяне, поэтому им не следует есть мясо. Подумав, что нужно уважать монахов и поступать так же, как они, она не притрагивалась к мясу во время пребывания в буддийском храме. Она не ожидала, что для монахов в храме употребление мяса не было табу.

Она рассказала об этом своим солдатам. Они были так счастливы, что прыгали на три чи в высоту - они были мастерами боевых искусств; когда их заставляли есть вегетарианскую пищу каждый день, они сходили с ума!

...

Юань Цзюэ вернулся в комнату для медитаций, доложил Тунмо Луоцзя о ситуации и улыбнулся:

- Король, владыка храма* не оставил без внимания принцессу Вэньчжао. Принцесса сама предложила есть только вегетарианскую пищу, когда вошла в храм, поэтому владыка храма не присылал ей другой еды.

(ПП: сычжу 尸主 – буквально «владыка храма», по сути настоятель или глава)

Тунмо Луоцзя смотрел вниз, перелистывая тома кожаных свитков. Перед его глазами возник вид ошарашенной девушки, которая с досадой смотрела на жареное мясо на его тарелке. Он подумал, что ею пренебрегают. Оказалось, что это была не обида, а простой шок. Что-то вроде удивления «как ты можешь есть мясо?»

Неужели она думала, что он может пить воздух и есть ветер?

С нечитаемым выражением Тунмо Луоцзя перебирали четки своими длинными тонкими

пальцами.

...

На следующий день к еде, доставленной во двор Ли Яоинь, добавили несколько тарелок жареного мяса. К сожалению, жареное мясо не было тщательно приготовлено и было сделано грубовато, на него посыпали лишь несколько зерен соли. Однако голодные личные солдаты с удовольствием жевали и грызли жареное мясо, пока на костях не осталось ни кусочка.

После еды Ли Яоинь дала солдатам разные задания.

Она расспрашивала Юань Цзюэ о больших виноградниках в Королевском дворе. Виноград обычно собирали для изготовления вина. В частности, вино из Гаочана было знаменитым и хорошо продавалось на восточных и западных торговых путях. Хотя вино Королевского двора было не таким хорошим, как вино Гаочана, оно могло храниться долгое время и не портиться.

Так получилось, что на участке, который купила Ли Яоинь, было несколько виноградников. Ци Нянь упомянул, что умеет делать вино, и она попросила его сначала сделать немного на пробу, не ожидая, что это принесет прибыль. Выращивание скота и дубление кожи были тяжелым физическим трудом. Большинство людей продавали, потому что они не могли работать, поэтому она думала о том, как найти для них легкую и необременительную работу.

Научить их сушить изюм?

Когда эта идея пришла ей в голову, Ли Яоинь приказала своим солдатам пойти на рынок и купить изюм, а также поинтересоваться местным способом сушки изюма. Солдаты ответили согласием.

Ли Яоинь сидела перед двором, смотрела на виноград, свисающий с цветочной решетки, и погрузилась в раздумья.

Она поссорилась с Ли Чжунцянем из-за того, что хотела выпить вина. В Чанъане вино было дорогим. Когда танская армия завоевала Гаочан, они привезли на Центральные равнины виноград из Гаочана и способ изготовления вина. Император-основатель Ли Шимин посадил виноград в императорском саду и сам сделал вино, раздав его своим министрам для совместного употребления. Позже вино распространилось среди людей и стало обычным товаром на рынке, но из-за череды войн свежий виноград стал редкостью, а метод приготовления вина был утерян, поэтому вино, естественно, стало редким.

Один врач говорил, что женщинам полезно пить вино в меру. Ли Яоинь захотела выпить несколько чашек, но Ли Чжунцянь со свирепым выражением лица преподал ей урок. Она принимала пилюлю Нинлу, и божественный доктор посоветовал не пить вино, пока она принимает лекарство.

Подумав об этом, Ли Яоинь вдруг вспомнила кое-что. Тунмо Луоцзя сейчас принимал муравьиную траву. Знал ли он об этом табу?

Она задумалась лишь на мгновение, а затем с улыбкой покачала головой: Тунмо Луоцзя был монахом. Как он мог пить вино?

Вечером личный солдат вернулся с несколькими упаковками изюма и разложил их на столе. С первого взгляда Ли Яоинь поняла, что этот коричневый изюм не самого лучшего качества.

Но солдат сказал:

- Принцесса, это лучший изюм в городе. Люди на рынке сказали, что они поставляют изюм для королевского дворца. Купцы из Ху рассказали, что летом и осенью в Королевском дворе стоит жаркая и сухая погода, долго светит солнце и почти не бывает дождей. Они собирают виноград, а затем выставляют его прямо на солнце, не подвергая другим процедурам.

Ли Яоинь взяла в руки несколько изюминок, внимательно рассмотрела их цвет, понюхала аромат и попробовала несколько штук. На мгновение она задумалась. Похоже, метод сушки изюма сейчас был очень грубым.

Она приказала своим личным воинам:

- Завтра отправляйтесь за город и скажите лао Ци, чтобы он не жалел этот плодоносящий виноград. Выкопайте их все, а вместо них посадите во всех садах несколько сотен «Медового корма», «Конского молока» и косточек винограда «Черный жемчуг»; если не сможешь купить эти виноградные косточки, скажи ему, чтобы он отправился на юг города и нашел купца Канг Да из Ху и прислал еще чая и шелка.

Солдат ответил утвердительно и затронул другой вопрос:

- Лао Ци сказал, что он связался с некоторыми людьми, которые находятся в изгнании из разных регионов Шачжоу. У большинства из этих людей нет ни еды, ни одежды. Он попросил меня спросить принцессу, может ли он принять их?

Ли Яоинь нахмурилась. В конце концов, Королевский двор лишь временно приютил ее, так что они не могли доставлять неприятности. В дальнейшем людей будет становиться все больше и больше, и не все они могут быть приняты Королевским двором.

- Прямо сейчас количество людей, которых мы принимаем, не слишком велико. Предоставьте убежище стольким людям, скольким сможете. Не забудьте проинструктировать лао Ци, чтобы он зарегистрировал всех; никого не оставляйте без присмотра. Когда придет время, я буду платить налоги в соответствии с реестром.

Министры Королевского двора были жадны до денег. Если она будет платить налоги в соответствии с реестром, то не вызовет слишком много критики. Составление реестра также облегчало управление и отбор людей, что позволяло заложить хорошую основу для обучения солдат.

Чем больше людей она наберет сейчас, тем лучше.

Личный солдат кивнул, делая заметки. На мгновение он замешкался и спросил:

- Есть несколько человек из Шачжоу... Лао Ци не знает, стоит ли их принимать.

Ли Яоинь спросила:

- Раз они из Шачжоу, почему их нельзя принять?

Солдат ответил:

- Они не ханьцы, а все женщины Ху. Они скитались, пока не достигли Западных регионов, и несколько раз перепродавались караванам, пока наконец не попали в Королевский двор. Услышав, что лао Ци принял много людей из Хеси, они тоже попросили приюта.

Ли Яоинь нахмурилась. Она посмотрела на своих личных солдат, позвала их всех и устремила свой взгляд на каждого по очереди. Она выглядела немного суровой. Се Чун, Се Пэн и остальные не смели шутить и стояли с опущенными головами.

Ли Яоинь медленно произнесла:

- Шачжоу и Гуачжоу относятся к Хеси. Местные жители, независимо от того, принадлежат ли они к народностям Ху или хань, - это все жители Великого Вэй. Вы все понимаете?

Все негромко ответили.

Ли Яоинь приказала солдату, который только что задал вопрос:

- Поскольку они из Шачжоу и просят приюта, найдите способ принять тех, кого сможете.

Она добавила:

- Если есть непокорные люди, ни в коем случае не терпите их. Немедленно изгоните их. Мы должны спастись сами, прежде чем сможем спасти других. Передайте лао Ци, чтобы он был осторожнее и, во что бы то ни стало, не создавал проблем.

Личные солдаты ответили утвердительно.

После нескольких дней, проведенных в хлопотах, Ли Яоинь прикинула, что Ашина Бисо скоро вернется, и начала готовиться к поездке в Гаочан. Ранее Тунмо Луоцзя говорил, что попросит генерала сопровождать ее в миссии в Гаочан.

В этот период она настаивала на том, чтобы каждое утро являться на проповедь. Хотя она не понимала проповедей, но все равно могла честно просидеть час и следить за монахами, читающими Священное Писание. Тунмо Луоцзя помог ей, и она не могла не оправдать его стараний.

Монахи и Ли Яоинь не говорили на одном языке, но, видя, что она благочестива и почтительна, что она так молода и красива, но может пренебречь своей красотой, не наносить макияж и просыпаться до рассвета, чтобы день за днем посещать уроки, они стали относиться к ней гораздо добрее, чем раньше.

Но, тем не менее, никто не осмеливался заговорить с Ли Яоинь. Где бы она ни проходила, все монахи тут же отводили глаза, не решаясь взглянуть на нее. Кто-то закрывал глаза, читая Священные писания, кто-то медитировал, а кто-то отворачивал голову, чтобы не видеть ее.

Божа был раздосадован: очевидно, эти монахи были недостаточно сильны. Их сердца были потрясены красотой Ли Яоинь, поэтому они избегали ее, словно она была демоном!

Он втайне жаловался Юань Цзюэ:

- Каждый раз, когда принцесса Вэньчжао проходит мимо парадного зала, глаза этих молодых монахов готовы выпасть! Что нам делать, если так будет продолжаться?

Юань Цзюэ улыбнулся:

- Принцесса приходит в храм только для того, чтобы читать сутры во время утренних уроков, но никогда не гуляет по храму в другое время. Она никого специально не соблазняла, не наряжалась и неставляла себя напоказ. Городские дворяне и дворянки также часто приходят в парадный зал, чтобы послушать сутры монахов. Все они наряжены броско, с аксессуарами на голове, со слоями золота и драгоценностей, висящими на теле, в страхе быть подавленными другими. Кроме того, им приходится брать с собой четырех или пять служанок. Так много женщин приходят послушать сутры, почему же ты нацелился только на принцессу Вэньчжао?

Божа не смог ничего ответить. После недолгого молчания он сердито топнул ногой:

- Принцесса Вэньчжао похожа на богиню, она красивее их всех!

Юань Цзюэ развеселился и почувствовал себя беспомощным:

- Красота принцессы - это дар, а не грех. Это также испытание Будды для юных шами и остальных. Если они смогут пройти это испытание, значит, они благочестивы. Если же их каждый день очаровывают, значит, их благочестия недостаточно. Это нужно для того, чтобы отточить их.

Он сделал небольшую паузу и торжественно сказал:

- То же самое касается и короля.

Божа задумался - в этих словах была правда, поэтому ему оставалось только согласиться.

Ли Яоинь не знала, что Юань Цзюэ действительно считал ее испытанием Будды для Тунмо Луоцзя, и каждый день исправно ходила на утренние занятия.

Обычно она приходила и уходила одна, но в этот день несколько монахов остановили ее после проповеди. Один монах открыл рот, произнес большой абзац на санскрите. Не понимая, она была совершенно обескуражена. Другой монах был недоволен и втянул первого монаха в жаркий спор. Чем больше эти двое спорили, тем сильнее они возбуждались. В спор вмешались несколько монахов, стоявших рядом с ними, что вскоре привлекло внимание владыки храма.

- Что происходит? - владыка храма поспешил вмешаться.

Ссорящиеся монахи не понижали голоса, наоборот, чем больше они спорили, тем громче становились их голоса. Они также тянули друг друга за руки, били по плечам и спорили до покраснения.

Владыка храма был в ярости, но когда он услышал, о чем спорят несколько монахов, он не стал их отчитывать, а нахмурился и сказал:

- Я не могу принять решение по этому вопросу. Это должен решить Сын Будды.

Не успела Ли Яоинь понять, о чем спорят монахи, как настоятель храма отправил ее вместе с поссорившимися монахами в комнату для медитации Тунмо Луоцзя.

Серебристо-белые цветы финиковых деревьев во внутреннем дворе уже почти опали, усыпав землю лепестками. Тунмо Луоцзя занимался своими официальными делами в касайе с открытыми плечами, обнажавшей мягкие, блестящие плечи медового цвета.

Владыка храма сначала почтительно поклонился, оповестив об этом ближайших охранников. Он дождался сигнала Юань Цзюэ, чтобы войти, и сразу же повел нескольких монахов в

комнату для медитации, чтобы доложить о случившемся.

Выслушав его отчет, Тунмо Луоцзя поднял глаза и посмотрел на Ли Яоинь, которая стояла перед дверью. Ли Яоинь поняла и вошла.

Тунмо Луоцзя приказал Юань Цзюэ:

- Принеси бумагу и кисть.

Юань Цзюэ пододвинул небольшой стол, принес бумагу и ручку и положил их справа от Тунмо Луоцзя.

Тунмо Луоцзя спросил Ли Яоинь:

- Может ли принцесса переписать «Сутру сердца», которую она читала некоторое время назад?

Когда он посмотрел на нее, его глаза, похожие на бассейн с бирюзовой водой, были холодными и мягкими. Хотя в них не было намеренного стремления успокоить, они сразу же умиротворяли сердца людей.

Ли Яоинь успокоилась и кивнула. Она подошла к небольшому письменному столу, села, скрестив ноги, и начала молча писать кистью. В комнате было тихо, только кисть шуршала по бумаге. Через некоторое время Ли Яоинь закончила письмо и передала его Юань Цзюэ, а тот отправил его на стол Тунмо Луоцзя.

Тунмо Луоцзя взглянул на бумагу, пробежал ее один раз и снова прочитал с самого начала, на этот раз очень внимательно.

Закончив чтение, он отложил бумагу.

- Есть ли у принцессы оригинальная санскритская версия «Сутры сердца»?

Ли Яоинь покачала головой. Большинство оригинальных версий буддийских писаний были написаны на санскрите, и существовали различные переводы. В ее приданом было много санскритских версий буддийских писаний, но ни одной санскритской версии «Сутры сердца».

Несколько монахов услышали это и зашептались, причем один из них выглядел весьма возбужденным. Тунмо Луоцзя бросил на него легкий взгляд. Лицо монаха покраснело. Он перестал спорить и опустил голову. Тунмо Луоцзя попросил Юань Цзюэ принести бумагу. Он взял кисть и начал писать, ориентируясь на китайский текст, который только что написала Ли Яоинь.

Ли Йоинь стало немного любопытно, ее взгляд упал на его кисть, и она увидела, что он пишет на санскрите, который она не могла прочитать.

Неужели он напрямую переводил то, что она написала?

Она некоторое время смотрела на него, но не успела ничего понять, как Тунмо Луоцзя вдруг поднял голову и встретился с ней взглядом. Ли Йоинь ошеломленно улыбнулась ему, ее брови слегка изогнулись, а глаза потемнели и засияли.

Словно цветы на ветке, распустившиеся пышно и безудержно, полные юношеской гордости - глаза, полные доверия.

Она больше не обижалась на вегетарианскую пищу? Тунмо Луоцзя опустил глаза, указал на место на бумаге и мягко спросил Ли Йоинь о предложении, которое она написала по памяти. Ли Йоинь пришла в себя и негромко ответила.

Тунмо Луоцзя хмыкнул и поднял кисть, чтобы переписать написанное. Через некоторое время он снова спросил, и Ли Йоинь серьезно ответила. Они говорили по-китайски. Охранники и монахи не понимали и не могли вставить ни слова, а только затаив дыхание, немигающим взглядом следили за их выражениями.

Ли Йоинь села рядом с Тунмо Луоцзя. Он задал вопрос, и она ответила. Она посмотрела на монахов, которые выглядели напряженными и нетерпеливыми, и честно сказала:

- Достопочтенный, я тоже не очень понимаю Священные писания. Не хочет ли Достопочтенный найти еще несколько человек, чтобы спросить их?

Тунмо Луоцзя опустил глаза и сказал:

- Неважно. Принцессе нужно только повторить оригинальный текст.

Она не знала, сколько времени прошло, но он закончил перевод, взял другой лист бумаги, чтобы переписать его, и передал Юань Цзюэ. Тот передал бумагу ожидавшим монахам, которые принялись передавать ее по кругу и снова заспорили. Наконец они поклонились Тунмо Луоцзя с таким видом, словно ждали его решения.

Тунмо Луоцзя произнес несколько слов. Несколько монахов надолго замолчали: кто-то с задумчивым видом, кто-то с проблеском просветления, а кто-то все еще в недоумении. По прошествии долгого времени все они встретились взглядом с Тунмо Луоцзя, сложили руки вместе и удалились.

Ли Йоинь осталась сидеть одна перед столом в недоумении: что только что произошло? Она посмотрела на Тунмо Луоцзя и тихонько спросила по-китайски:

- Достопочтенный, я ведь не доставила вам никаких хлопот? Почему они спорят о «Сутре сердца»?

Тунмо Луоцзя слегка покачал головой, давая понять, что все в порядке, и сказал:

- Они не читали санскритский текст «Сутры сердца» и, порывшись в древних книгах, не нашли никаких записей о ней, поэтому они подозревают, что это поддельная сутра, из-за которой они и спорят. К принцессе это не имеет никакого отношения.

Ли Яоинь была удивлена. После некоторого раздумья она решительно сказала:

- Тогда я не буду читать ее в будущем.

Существовало множество сект буддизма, и учение буддизма по эту сторону Западных регионов находилось под более глубоким влиянием Тяньчжу. Оно слилось с местными обычаями и условиями, смешалось со многими вещами, которых она не понимала, и ей не хотелось обижать других своими непреднамеренными действиями.

Тунмо Луоцзя посмотрел на «Сутру Сердца», которую только что написала Ли Яоинь, и сказал:

- Принцессе не нужно возражать. Подлинна ли «Сутра сердца» или нет - не им судить. Независимо от того, существует ли санскритский оригинал или нет, в этом писании есть буддийская истина. С тех пор как Будда достиг нирваны, прошло более тысячи лет. Различные секты излагали сутры и написали огромное море буддийских писаний. Неужели все те, которых они не видели, поддельные?

Ли Яоинь вдруг поняла. Только что эти монахи, имея собственное мнение о происхождении «Сутры сердца», обратились к Тунмо Луоцзя с просьбой высказать свое суждение. Он дал именно такой ответ.

Неудивительно, что монахи были убеждены.

*«Сутра сердца» является изложением буддийских идей совершенной мудрости и относится к наиболее коротким буддийским сутрам. Один из переводов на русский содержит двадцать два предложения. Наряду с «Алмазной сутрой», «Сутра сердца» является основным образцом буддийских первоисточников периода создания буддийской литературы «совершенной мудрости». Несмотря на то, что в ней содержится мантра, она затрагивает последнюю, тантрическую фазу развития литературы подобного рода.

В «Сутре сердца» парадоксально отрицаются (объявляются пустотными и несуществующими в абсолютном смысле) Четыре благородные истины буддизма: «нет ни страдания, ни причины страдания, ни прекращения страдания, ни пути». По мнению Е. А. Торчинова, для буддистов того времени это звучало столь же шокирующе, как если бы христианин столкнулся с текстом, в котором бы «Христос провозгласил, что нет ни Бога, ни сатаны, ни ада, ни рая, ни греха, ни добродетели, и т. д.».

Некоторые исследователи считают, что «Сутра сердца» была создана в Китае и позже переведена на санскрит. Однако, большинство учёных склоняются к мнению, что именно версия на санскрите является оригинальной, несмотря на то, что китайский перевод сутры оказал намного большее влияние на школы буддизма.

<http://tl.rulate.ru/book/72517/3739338>